

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/67/14

Е.Г. Новикова

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И СИБИРСКОЕ ОБЛАСТНИЧЕСТВО СТАТЬЯ ВТОРАЯ¹

На материале «Воспоминаний» Г.Н. Потанина, книги Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» и других работ сибирских областников показан существенный вклад петрашевцев в формирование и развитие сибирских областнических взглядов и идей. Особое место в статье занимает вопрос о восприятии областниками Ф.М. Достоевского преимущественно как петрашевца: специально исследовано влияние его книги «Записки из Мертвого дома» на публицистику раннего сибирского областничества.

Ключевые слова: Г.Н. Потанин, «Воспоминания», Н.М. Ядринцев, «Русская община в тюрьме и ссылке», Ф.М. Достоевский, «Записки из Мертвого дома», С.Ф. Дуров, петрашевцы, сибирское областничество.

Широко известен, разнообразно и многоаспектно изучен тот колоссальный вклад, который внесли в развитие Сибири декабристы.

В настоящее время также подробно описано и то, что именно жены декабристов встретили в Сибири сосланных петрашевцев, окружили их заботой и вниманием [1]. Как писал Ф.М. Достоевский брату Михаилу 30 января – 22 февраля 1854 г., «ссылные старого времени (то есть не они, а жены их) заботились о нас, как об родне. Что за чудные души, испытанные 25-летним горем и самоотвержением. Мы видели их мельком, ибо нас держали строго. Но они присылали нам пищу, одежду, утешали и ободряли нас» [2. Т. 281. С. 169].

Петрашевцы, в свою очередь, также сыграли важную роль в развитии сибирского края. Однако современные представления об их влиянии и вкладе в сибирскую жизнь нуждаются в дальнейшем изучении и уточнении.

Духовный лидер сибирского областничества, великий сибирский энциклопедист [3], Г.Н. Потанин последние 20 лет жизни провел в Томске. На этом последнем этапе творчества он написал «Воспоминания» [4, 5], вобравшие в себя богатейший материал его разнообразной жизни, его научный, социокультурный и политический опыт.

На «Воспоминаниях» Потанина «лежит отсвет его областнических тенденций», – указывает Н.Н. Яновский [6. С. 8].

При этом Потанин неоднократно в своих «Воспоминаниях» обращается к петрашевцам, подчеркивая, что именно они сыграли ключевую роль в

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90020\19.

формировании его мировоззрения; однако этот материал крайне редко вводится в специальный научный оборот.

В этом смысле особое место в структуре «Воспоминаний» занимает четвертая часть под названием «Колония и метрополия». Она посвящена переломному моменту развития молодого Потанина – моменту формирования его как сибирского мыслителя и деятеля, собственно говоря, самому моменту первоначального оформления концепции сибирского областничества. «Мы были молоды, бескорыстны и <...> думали об общем деле» «сибирского движения, которым уже веяло в воздухе» – так характеризует этот период сам Потанин [4. С. 119].

Новаторский характер событий и явлений, описываемых в четвертой части, подчеркивается, прежде всего, самим ее названием «Колония и метрополия».

Первые три части «Воспоминаний» – это своеобразное «Детство», «Отрочество», «Юность» молодого сибирского казака Григория Потанина: первая часть – «Детство» мальчика, рожденного и воспитанного в среде сибирского казачества; вторая часть «В кадетском корпусе» посвящена его пребыванию в Сибирском кадетском корпусе; в третьей части «В казачьей службе» рассказывается о военной службе Потанина на Алтае и в Омске в чинах хорунжего и командира казачьей сотни. Потанин предстает здесь молодым человеком, целиком и полностью сформированным средой сибирского казачества и совершенно разделяющим ее цели и ценности.

На этом фоне название четвертой части носит качественно иной – проблематизирующий – характер: важнейшая для формирующегося сибирского областничества проблематика «Сибири как колонии» [7] принципиально соотнесена здесь с общим политическим и социокультурным контекстом российской «метрополии». Более того, это проблемное название уникально для «Воспоминаний» в целом, поскольку все последующие части вновь названы вполне описательно: «Университет», «Возвращение в Сибирь», «В Петербурге. В ссылке» и пр.

Именно в части «Колония и метрополия» Потанин дает развернутые характеристики мыслителям и деятелям, сыгравшим, с его точки зрения, важную (пусть и разную) роль в развитии сибирского самосознания, – это М.А. Бакунин, Н.С. Щукин, Н.М. Ядринцев...

Но особое место отведено здесь петрашевцу С.Ф. Дурову.

В 1856 г. Потанин был переведен в Омск на службу в Войсковое правление. «Омск, сравнительно с Антоньевском (станция Антоньевская на Алтае. – Е.Н.), это – столица. Там много интеллигентных людей, там больше книг; кабинетные разговоры интереснее, развлечения поучительнее» [4. С. 75].

Так, важный вопрос, активно обсуждавшийся в Омске во второй половине 1850-х гг., – крепостное право и назревшая необходимость его отмены. «В патриархальном Алтае и в десять лет я не узнал бы того, что узнал в Омске за один год. В это время журналам разрешено было обсуждать крепостной вопрос, а я до приезда в Омск не знал, что такое крепостные кре-

стьяне <...> так как в Сибири крепостного сословия не было, то я не имел случая непосредственно столкнуться с этим злом» [4. С. 119]. Тема «колонии и метрополии» в понимании формирующегося сибирского областничества проявилась здесь предельно наглядно: в Сибири не было крепостного права, но эта проблема метрополии должна была быть изучена и осмыслена в колонии – в конечном счете во имя ее собственного дальнейшего плодотворного развития.

Говоря об омской интеллигенции, Потанин имел в виду, прежде всего, известную в Сибири семью Капустиных: «В Омске был дом Капустиных, который имел большое значение для внутренней жизни города <...> Капустин <...> был один из видных чиновников в Омске ³¹ <...> Самое интересное лицо в этом доме была жена Капустина, урожденная Менделеева Екатерина Ивановна³² <...> В гостиной Катерины Ивановны собирался цвет омской интеллигенции: молодые офицеры генерального штаба, чиновники главного управления, окончившие высшую школу, друзья сына Капустина Семена Яковлевича³³ и художники <...> политические ссыльные, как, например, петрашевец Дуров» [Там же. С. 81–82].

В 1857 г. Потанин познакомился с С.Ф. Дуровым и сблизился с ним. Познакомил их Ч.Ч. Валиханов; вот как описывает это Потанин: «Однажды он свёл меня к петрашевцу Дурову, и тут я в первый раз узнал, что существует особая порода людей, которых в Сибири называют “политики”» [3. С. 119].

Именно с влиянием Дурова Потанин связывает свой «духовный перелом» [4. С. 82]: «Дуров в один вечер совершил со мной метаморфозу: его речи были оглушительны, потому что происходили от человека, глубоко пострадавшего от николаевского режима. Мои взгляды совершенно перевернулись не только на Николая I, но и вообще на монархизм» [Там же. С. 120].

В рассказе Потанина крайне важна фигура Николая I. До знакомства с Дуровым молодой сибирский казак «благоговел перед императором Николаем I, в котором видел второго Петра Великого и поборника прогресса и европейских идей о политической свободе» [Там же]. В «Воспоминаниях» воспроизводится яркий художественный образ императора, созданный в военной среде: «Очарованные императором армейцы рассказывали о его повелительном голосе; его команда, отданная спокойно, ясно, проносилась по всей площади до крайних ее углов. Взгляд его был пронизателен. Говорили про него, что он был хороший ценитель живописи и знаток музыки» [Там же].

Этот образ Николая I после рассказов Дурова «оказался опрокинутым вверх дном» [Там же]. Петрашевец смог поколебать даже представления об императоре как об истинном ценителе искусства: «Дуров знал знаменитого

³¹ Яков Семенович Капустин (1797–1859) – «начальник отделения Главного управления Западной Сибири» [3. С. 310].

³² Екатерина Ивановна Капустина (1818–1901), урожд. Менделеева, сестра Д.И. Менделеева.

³³ Семен Яковлевич Капустин (1828–1891) – сын Я.С. Капустина от первого брака.

композитора Глинку, оперу которого Николай ненавидел. Глинка не выносил глаз императора. “Не могу видеть эти оловянные глаза”» [4. С. 120]. Очевидно, что в основе этой истории Дурова о М.И. Глинке и Николае I – известное сложное отношение императора к операм композитора: так, авторские названия оперы «Иван Сусанин» / «Смерть за царя» он заменил на «Жизнь за царя», а премьеру «Руслана и Людмилы» вообще демонстративно покинул во время спектакля.

Произошел действительно «духовный перелом» молодого сибиряка, сформированного средой сибирского казачества: «Мой казачий патриотизм охладел, я превратился в сибирского патриота», – пишет он [Там же. С. 83]. Более того, в определенный момент он беспрецедентно называет себя «петрашевцем»: «...после свидания с Дуровым я сделался петрашевцем» [Там же. С. 81]; «сибирский патриот» и «петрашвец» здесь у Потанина – синонимы.

Сибирские областники, «разбуженные», по известному выражению, в 1850-х гг. петрашевцами, в 1860-х гг. самым непосредственным образом повторили их сибирскую судьбу. Арестованные в 1865 г. за «сибирский сепаратизм» [8], они три года провели в Омском остроге в ожидании приговора [9. С. 321] – там, где до них в 1850-е гг. отбывали каторгу петрашесцы С.Ф. Дуров и Ф.М. Достоевский.

И если рассказ о Дурове вошел в «Воспоминания» Потанина, то сибирский образ Достоевского и областнические размышления о нем принадлежат прежде всего Н.М. Ядринцеву, который прямо называл себя «собратом» великого русского писателя «по духу и судьбе» [Там же. С. 59].

Программой в этом смысле стала статья Ядринцева «Достоевский в Сибири» (1897) [10], к которой мы уже обращались в первой статье данного цикла [11. С. 190–191]; сопоставительный анализ позиций Ядринцева и Достоевского см. также: [12].

«Собрат по судьбе» – по общей судьбе заключенных омского острога. Ядринцев это подчеркивал неоднократно. Именно этой темой начинается его статья «Достоевский в Сибири»: «На окраине русской земли, в отдаленной и забытой Сибири, на границе Киргизской степи стоит небольшой уездный город Омск <...> В нем находится старая упраздненная крепость с осыпавшимися валами. На углу ее на память сохранилась старая каторжная казарма, обнесенная частоколом. Это бывшее когда-то военно-каторжное отделение, впоследствии арестантские роты. Здесь когда-то провел несколько лет тяжелой жизни Ф. М. Достоевский. Несколько лет назад мы видели еще и этот частокол, и дворик, и казарму, увековеченные в «Мертвом доме» <...> Тогда-то передо мной среди этих размышлений и волнующих чувств еще резко выступила судьба Ф.М. Достоевского» [10. С. 58].

Статью Ядринцева отличает предельно обильное цитирование «Записок из Мертвого дома». Подробно описывая свои «первые минуты неволи» [Там же], он ссылается на впечатления Достоевского: «Помню первое утро мое в казарме...» [2. Т. 4. С. 22]. «Далее приводим следующие описания тюремных дней Достоевского» [10. С. 61], – пишет Ядринцев, цитируя «Записки из Мертвого дома» на нескольких страницах [Там же. С. 60–62].

Для областников «Записки из Мертвого дома» – «самое великое и лучшее произведение Достоевского» [10. С. 65]. По мысли Ядринцева, Достоевский как писатель был сформирован именно – и исключительно – каторгой: «Целый мир открывается здесь для чуткого сердца, личное горе было забыто, оно было бы слишком мелко и эгоистично и тонуло в море общечеловеческого несчастья. Здесь явилась и пробудилась у него мысль явиться изобразителем этой ужасной действительности, быть единственным ходоцем-заступником среды, к которой доселе существовало только чувство презрения и отталкивающего ужаса, которая лишена была сострадания и с которой проповедовалось самое жестокое зверское обхождение» [Там же. С. 63]. Ядринцев пишет о том, что каторжный опыт Достоевского не только определил все его творчество, но и составил его «лучшие страницы»: «Впечатление, полученное в тюрьме и на каторге, до того было сильно, что Достоевский никогда не забывал этого мира несчастных и всегда обращался к нему в романах, повестях и «Дневнике писателя», и это были лучшие, наиболее прочувствованные страницы» [Там же].

Наконец, специально подчеркивается эпохальное значение «Записок из Мертвого дома»: «Все знают, что издание «Записок из Мертвого дома» совпало с переломом в русской жизни, расширило мирозерцание общества и провело новую идею в художественных образах. Это идея спасения погибающих, идея страдания, любви, идея умиротворения, которая должна была войти в кровь и дух созидающейся жизни» [Там же].

Именно поэтому Ядринцев называет себя «собратом» Достоевского и «по духу». «Это испытывали все мы, спускавшиеся в мир тюрем для изучения несчастия», – говорит он о себе [Там же. С. 64]. Ядринцев мыслит себя наследником и продолжателем дела Достоевского в новую историческую эпоху России, и это дело, по мысли сибирского областника, – описание «мира несчастных», «идея спасения погибающих, идея страдания, любви, идея умиротворения».

Также оказавшись в омском остроге, Ядринцев вполне осознанно и целенаправленно продолжает традицию «Записок из Мертвого дома»: на омском материале он начинает писать книгу «Русская община в тюрьме и ссылке» [7].

Безусловно, омские условия жизни каторжников Достоевского и Дурова 1850-х гг. и заключенных под стражу в 1865 г. «сибирских сепаратистов», ожидающих решения Сената, несопоставимы.

Из «Воспоминаний» Потанина: «Камеры запирались только в начале нашего сидения в крепости, потом они были отворены в течение всего дня и запирались только на ночь. Заключенные выходили даже на платформу и тут разгуливали. Это была единственная либеральная гауптвахта в России <...> Нашим друзьям и знакомым в городе был свободный доступ к нам в камеры» [4. С. 214–215]. Также заключенным сибирякам «позволили получать свои книги и рукописи» [4. С. 214], в результате чего в омском остроге ими был написан целый ряд научных и публицистических работ.

Одной из них и стала книга Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке». Вновь «Воспоминания» Потанина: «Мы в Томске мучились в бесплодных догадках, каким образом и как достать материалы, чтобы обосновать наш протест против ссылки в Сибирь общественных отбросов европейской России <...> У нас с Ядринцевым тогда не было под рукой никаких конкретных фактов <...> В населении тюремного замка находилось много представителей челдонского и бродяжеского миров; тут можно было рассчитывать наткнуться на целый рудник того, чего мы искали, о чем тщетно мечтали» [4. С. 218].

Ядринцев воспользовался той определенной степенью свободы, которая обладали заключенные: «Как только по утрам открывались камеры, Ядринцев уходил на добычу и часто запирался в чужих камерах. Он завел множество знакомств и каждый вечер возвращался в свою камеру с запасом сведений и рассказов. Мы беседовали и обсуждали собранное. Эти материалы и составили потом содержание его книги «Русская община в тюрьме и ссылке», которую он написал уже во время ссылки, когда жил в Архангельской губ<ернии>, в городе Шенкурске, и тогда же издал в Петербурге» [Там же. С. 221]. С точки зрения Потанина, этот труд стал для Ядринцева судьбоносным: «Эта книга, посвященная самому кардинальному из сибирских вопросов, и решила судьбу Ядринцева, она закрепила за ним роль сибирского публициста, которой он остался верен до гроба» [Там же].

При этом Потанин вписывает «Русскую общину в тюрьме и ссылке» в определенный контекст: «Труд Ядринцева не был психологическим трактатом о жизни “мертвого дома”, вроде книг Достоевского и Мельшина [13], а первым сибирским памфлетом против ссылки» [Там же]. Так Потанин, пусть и на основе противопоставления, обозначает традицию, к которой восходит книга Ядринцева, – это «Записки из Мертвого дома» Достоевского (то же самое следует сказать и о книге П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина) «В мире отверженных»).

О высокой степени от-refлексированности самим Ядринцевым указанной традиции свидетельствует то, что он в своей книге неоднократно обращается к «Запискам из Мертвого дома», активно цитируя Достоевского и размышляя о нем.

Так, слова Достоевского – это самая первая введенная в текст книги Ядринцева цитата, он использует «Записки из Мертвого дома» уже во введении «От автора».

«От автора» Ядринцева закономерно начинается отсылкой к его собственному тюремному опыту: «Несколько лет тому назад автор этой книги имел случай близко познакомиться с миром преступников и с жизнью сибирских тюрем» [14. С. 45]. Тема «Мир преступников и жизни сибирских тюрем» сразу же выводит его к произведению Достоевского: «Недаром Ф.М. Достоевский, испытавший знакомство со старым русским острогом, воскликнул в конце своих наблюдений: “Сколько в этих стенах погребено молодости! Сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, быть мо-

жет, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего»³⁴» [14. С. 46]. Эти слова Достоевского Ядринцеву предельно дороги; он также цитирует их в статье «Достоевский в Сибири» [10. С. 64].

В «Русской общине в тюрьме и ссылке» в целом Ядринцев обращается к Достоевскому восемь раз, и тематический диапазон этих обращений очень широк, начиная от проблемы доносительства в русских и сибирских тюрьмах [14. С. 140–141] и заканчивая описанием тюремного фольклора [Там же. С. 151–152].

Однако главная мысль Ядринцева, связанная с традицией Достоевского, все та же – это «идея спасения погибающих, идея страдания, любви, идея умиротворения». Вот образец цитирования Ядринцевым «Записок из Мертвого дома»: «Уважение человеческого достоинства должно соблюдаться в тюрьме, как и везде. «Всякий, кто бы он ни был и как бы он ни был унижен, – говорит Ф.М. Достоевский в “Записках из Мертвого Дома”, – хотя и инстинктивно, хотя и бессознательно, а все-таки требует уважения к своему человеческому достоинству. Арестант сам знает, что он арестант, отверженец, и знает свое место пред начальником, но никакими клеймами, никакими кандалами вы не заставите забыть его, что он человек. А так как он действительно человек, то, следовательно, надо с ним и обращаться по-человечески. Боже мой! Да человеческое обращение может очеловечить даже такого, на котором давно уже потускнел образ Божий»³⁵. Эти слова не мешало бы крупными буквами вырезать для назидания смотрящих на стенах наших тюрем. Слова эти, выведенные из опыта, тем важнее, что они относятся к русскому арестанту. «Я видел, – добавляет г-н Достоевский, – какое действие производило человеколюбивое обращение на этих униженных: несколько ласковых слов – и арестанты воскресали нравственно»³⁶. Действительно, ничто не может оживить, сделать благодарной природу человека, как самое малейшее сочувствие во время его несчастья» [Там же. С. 380].

Безусловно, Ядринцев упрощает (в том числе и за счет не совсем точного цитирования) более сложную и глубокую картину, нарисованную Достоевским: если у него от «нескольких ласковых слов» арестанты «чуть не

³⁴ «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уже всё сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего» [2. Т. 4. С. 231].

³⁵ «Всякий, кто бы ни был и как бы он ни был унижен, хоть и инстинктивно, хоть бессознательно, а все-таки требует уважения к своему человеческому достоинству. Арестант сам знает, что он арестант, отверженец, и знает свое место перед начальником; но никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что он человек. А так как он действительно человек, то, следовательно, и надо с ним обращаться по-человечески. Боже мой! Да *человеческое* обращение может очеловечить даже такого, на котором уже давно потускнел образ Божий» [Там же].

³⁶ «Я встречал таких добрых, благородных командиров. Я видел действие, которое производили они на этих униженных. Несколько ласковых слов – и арестанты чуть не воскресали нравственно» [Там же].

воскресали нравственно», то их воскресение в изложении сибирского мыслителя – однозначно и бесспорно: «...несколько ласковых слов – и арестанты воскресали нравственно». Во введении «От автора» Ядринцев формулирует следующие цели своего исследования: «автор <...> надеется, что его очерки не будут бесполезными в момент нашей тюремной реформы и могут пригодиться при разрешении хотя некоторых частных вопросов, возникающих при новом исправительном наказании. Искренним желанием автора было содействовать выработке рациональной системы исправления, которая бы, давая полные гарантии общественной безопасности, могла возможно более благоприятствовать перевоспитанию человека и его нравственному совершенствованию. Он надеется, что вводимая у нас новая исправительная система наказания более внимательно отнесется к судьбе преступника, внесет новые, гуманные взгляды в систему наказания и, содействуя исправлению наказуемой личности, снимет с нее хоть часть тех излишних страданий и горя, в существовании которых при прежней системе наказания иногда приходилось убеждаться горьким опытом» [14. С. 48]. Именно поэтому Ядринцев предлагает слова Достоевского о том, что с арестантом «надо... обращаться по-человечески», «крупными буквами вырезать для назидания зрителей на стенах наших тюрем»; и поэтому же – определенное упрощение позиции автора «Записок из Мертвого дома».

В целом рассмотренные в статье труды Потанина и Ядринцева неопровержимо свидетельствуют о том, что петрашевцы внесли существенный вклад в формирование и развитие сибирского областничества, его взглядов и идей. При этом в восприятии областников Достоевский навсегда, в сущности, остался только и именно петрашевцем.

Литература

1. *Житомирская С.В.* Встречи декабристов с петрашевцами // Декабристы-литераторы. II. Кн. 1. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 615–628. (Литературное наследство. Т. 60, кн. 1).
2. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
3. *Сагалаев А.М., Крюков В.М.* Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск, 2004. 208 с.
4. *Потанин Г.Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск, 1983. 274 с.
5. *Потанин Г.Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 7 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск, 1986. 344 с.
6. *Яновский Н. О «Воспоминаниях» Г.Н. Потанина // Литературное наследство Сибири. Т. 6 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд., 1983. С. 7–21.*
7. *Ядринцев Н.М.* Русская община в тюрьме и ссылке: исследования и наблюдения над жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. СПб., 1872. 719 с.
8. *Дело об отделении Сибири от России / публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия ; сост. Н.В. Серебренников. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 388 с.*
9. *Хроника жизни и творчества Г.Н. Потанина // Литературное наследство Сибири. Т. 7 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск, 1986. С. 319–328.*

10. Ядринцев Н.М. Достоевский в Сибири // Литературное наследство Сибири. Т. 5 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск, 1980. С. 58–65.

11. Новикова Е.Г. Ф.М. Достоевский и сибирское областничество. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 185–197.

12. Frank S. Zwei Konzeptualisierungen der russisch-sibirischen Lagerintimität im 19. Jahrhundert: N. Jadrincev und F. Dostoevskij // Wiener Slawistischer Almanach. 2005. Sonderband 62. S. 401–418.

13. Якубович П.Ф. (Л. Мельшин). В мире отверженных: Записки бывшего каторжника: [в 2 т.]. СПб. : Изд. ред. журн. «Русское богатство», 1896–1899.

14. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / сост., авт. предисл. и примеч. С.А. Иникова ; отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2015. 752 с.

Fyodor Dostoevsky and Siberian Regionalism. Article Two

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 268–277. DOI: 10.17223/19986645/67/14

Elena G. Novikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

Keywords: Grigory Potanin, *Memoirs*, Nikolai Yandrintsev, *Russian Community in Prison and Exile*, Fyodor Dostoevsky, *Notes from a Dead House*, Sergey Durov, Petrashevtsy, Siberian regionalism (oblastnichestvo).

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-90020/19.

Based on the materials from *Memoirs* by Grigory Potanin and *Russian Community in Prison and Exile* by Nikolai Yandrintsev, this article aims to illustrate the crucial role of the Petrashevtsy in forming Siberian regionalism (oblastnichestvo) and analyse their contribution to shaping regionalism-related views and ideas. The Petrashevtsy played a key role in the development of Siberia. However, the present understanding of their contribution to the life in Siberia requires further study. Potanin, the leader of Siberian regionalism, repeatedly referred to the Petrashevtsy in his *Memoirs*, emphasizing the fact that it was the Petrashevtsy who played a crucial role in shaping his worldview; however, this material is rarely introduced into scientific discourse. Potanin's *Memoirs* gives special prominence to Sergey Durov, a member of the Petrashevtsy circle. According to Potanin, it was Durov who stipulated his spiritual turn: "I have become a Siberian patriot". In addition, at some point, he unprecedentedly called himself "a Petrashevtsy member": "after a meeting with Durov, I turned to the Petrashevtsy"; "Siberian patriot" and "a Petrashevtsy member" are synonyms in Potanin's text. Siberian regionalists (oblastniki) shared the fate of the Petrashevtsy in the most direct way. Arrested in 1865, they spent three years in Omsk prison waiting for the sentence at the place where Durov and Fyodor Dostoevsky, the Petrashevtsy members, served years of exile in the 1850s. The Siberian image of Dostoevsky and the thoughts about him in terms of Siberian regionalism were primarily shaped by Yandrintsev. In this respect, the article "Dostoevsky in Siberia" (1897) by Yandrintsev was the most significant. Siberian regionalists considered *Notes from a Dead House* to be the most outstanding and finest work by Dostoevsky. In Yandrintsev's opinion, it was exclusively exile that shaped Dostoevsky as a writer. When in Omsk prison, Yandrintsev rather deliberately continued the tradition of Russian prison writing initiated by *Notes from a Dead House*: based on the materials collected in Omsk prison, he wrote a book *Russian Community in Prison and Exile* (1872), in which where he repeatedly referred to *Notes from a Dead House* intensively quoting Dostoevsky and reflecting upon him. Thus, the works by Potanin and Yandrintsev analysed in the present article irrefutably demonstrate that the Petrashevtsy made a significant contribution to shaping and developing Siberian regionalism, its views and ideas. It is worth noting that Siberian regionalists always perceived Dostoevsky exclusively as a member of the Petrashevtsy.

References

1. Zhitomirskaya, S.V. (1956) Vstrechi dekabristov s petrashevtsami [Meetings of the Decembrists with the Petrashevists]. In: Vinogradov, V.V. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 60. Book 1. Moscow: USSR AS. pp. 615–628.
2. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Leningrad: Nauka.
3. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (2004) *Potantin, posledniy entsiklopedist Sibiri: Opyt osmysleniya lichnosti* [Potantin, the last encyclopedist of Siberia: An experience of understanding the personality]. Tomsk: Izdatel'stvo NTL.
4. Potantin, G.N. (1983) Vospominaniya [Memoirs]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoye izdatel'stvo.
5. Potantin, G.N. (1986) Vospominaniya [Memoirs]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoye izdatel'stvo.
6. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1983) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoye izdatel'stvo. pp. 7–21.
7. Yadrintsev, N.M. (1872) *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke: issledovaniya i nablyudeniya nad zhizn'yu tyuremnykh, ssyl'nykh i brodyazheskikh obshchin* [Russian Community in Prison and Exile: Research and Observation of the Life of Prison, Exiled, and Vagrant Communities]. Saint Petersburg: Tipografiya A. Morigerovskogo.
8. Serebrennikov, N.V. (ed.) (2002) *Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii* [The Case of the Separation of Siberia From Russia]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1986) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoye izdatel'stvo. pp. 319–328.
10. Yadrintsev, N.M. (1980) Dostoevskiy v Sibiri [Dostoevsky in Siberia]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoye izdatel'stvo. pp. 58–65.
11. Novikova, E.G. (2019) Fyodor Dostoevsky and Siberian regionalism. Article one. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 59. pp. 185–197. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/59/11
12. Frank, S. (2005) Zwei Konzeptualisierungen der russisch-sibirischen Lagerintimität im 19 Jahrhundert: N. Jadrincev und F. Dostoevskij. *Wiener Slawistischer Almanach*. 62. pp. 401–418.
13. Yakubovich, P.F. (L. Mel'shin). (1896–1899) *V mire otverzhenykh: Zapiski byvshego katorzhnika* [In the World of Outcast: Notes of a former convict]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo redaktsii zhurnala “Russkoe bogatstvo”.
14. Yadrintsev, N.M. (2015) *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke* [Russian Community in Prison and Exile]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.